

Глава 4

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ В ВОСПРИЯТИИ КРЕСТЬЯН ВОСТОЧНОЙ НОВГОРОДЧИНЫ: ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ И РИТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Древние кладбища неизменно привлекают внимание современного сельского населения, тех людей, которые живут рядом с ними. На востоке Новгородской земли, точнее, в том регионе, который соответствует бывшим Боровичскому и Тихвинскому уездам, эти памятники называют жальниками и сопками. Жальником обычно именуют небольшое всхолмление, заросшее вековым лесом и имеющее следы каких-либо каменных сооружений. Сопка — более значительная насыпь, круглая в плане и достигающая нескольких метров в высоту. Впрочем, нередко жальником называют сопку (реже — наоборот)¹, что позволяет нам видеть в двух этих типах могильников единое явление с точки зрения современных этнографических данных.

Крестьянские рассказы и ритуальные практики, так или иначе связанные с древними погребениями, часто привлекали внимание собирателей — в первую очередь археологов и краеведов, но только недавно были предприняты попытки как-то систематизировать имеющуюся на данный момент информацию по этой проблеме и определить основные тенденции, характеризующие крестьянское восприятие древних погребальных сооружений. Здесь я имею в виду исследования А.А. Панченко ([1998: 180–236; 1998а; см. также: [Панченко, Петров 1997]). Одна из основных идей, высказанных в этих работах, заключается в том, что «народное отношение к средневековым погребениям свободно

---

¹ «Вот у нас сопки жальником называют»; «Жальник — сопка, как бугор, на ней лес» [Строгова 1991: 38].

колеблется в пределах оппозиции *свое / чужое* и *священное / нечистое*, образуя подчас довольно причудливые сочетания различных символических рядов и психологических тенденций» [Панченко 1998а: 136].

К настоящему времени проведен ряд полевых исследований, специально направленных на изучение этиологических рассказов и ритуальных практик, связанных с жальниками, что дает нам возможность оценить выводы А.А. Панченко на более представительном материале и в некоторой степени уточнить их. Для этого я попытаюсь репрезентировать имеющийся в моем распоряжении материал таким образом, чтобы показать единство концептуальных и поведенческих схем, характеризующих крестьянское восприятие древних захоронений. Затем я приведу данные по типологически схожим традициям Уральского региона, где эти схемы реализовались, на мой взгляд, в самом полном виде, и в заключении на основании этих данных сделаю некоторые выводы о специфике народного отношения к «неизвестным» покойникам.

Исторические предания, поверья и поведенческие стереотипы

Рассказы о том, как возник тот или иной жальник, а также жальники в целом, широко распространены среди современных деревенских жителей. Обычно это короткие свидетельства, высказываемые в форме слухов, или даже определения природы данных деталей сельского ландшафта. Наиболее распространено мнение, что жальники (сопки) — это «ранние кладбища», «похоронички», «могилы» и т.п. Очень часто в них видят захоронения, оставшиеся от какой-то древней войны:

Вот сопка одна за Сивцево туда, между Сивцево и между Михеево там. Я туда-то тоже очень редко вот бываю. А мама рассказывала: «Это, доченька, еще мой батюшка рассказывал, что это... говорит, война шла — высокие были люди такие! И война — дак там кромсали всех — которого как! И вот вырывали яму и всех туда ложили, в эту». Это называется сопки.

Около Александрова, туда к Мошенскому, тоже такие вот большие-высокие горы сделаны. Ну они так, наверно, вот с эту... вот с такую... такие выкопаны. Ну они высокие очень. Дак вот, говорят, была война страшная (ААГ 98085346 Боровичский район, д. Удино, зап. август 1998).

Для многих рассказчиков эта война остается безымянной. Это связано прежде всего с тем, что «ранняя война», прошедшая по этим местам, не нуждается в собственном имени. Определение «ранняя» указывает на время, когда образовались старинные погребальные памятники («Кака была война, вот, не знаю. Она ранняя была война, ранняя война, говорят, была») (ЕУ-Хвойн-98, № 37 АЯФ). Впрочем, в большинстве свидетельств эта война соотносится с термином «литва» («литовское разорение», «литовская война», «литовская битва»).

Инф.: Вон в поле сопки. Литовское разоренье! Ворониха была вот там, на той горушке, не здесь. Вон жальник (могилы тоже). Тут шла. Токо уж это давно. <...> Заметно, из камня. Дак это литовцы.

Соб.: Литовцы там...

Инф.: Литовцы хоронены. А может, тут же и русские (ААГ 98082835 Хвойнинский р-н, д. Ворониха АЕП 1911 г.р. зап. август 1998).

Последняя фраза демонстрирует нежелание рассказчика точно указать «национальность» погребенных в жальнике людей (через некоторое время в том же интервью собиратели узнают, что там все-таки лежит *литва*¹). Этот пассаж достаточно ясно характеризует риторическую стратегию тех информантов, для

---

¹ *Ну вот. А на жальнике рябины много было. Вот где эти литовцы похоронены. Я сошла и нащипала корзиночку. Принесла, свешала — одиннадцать килограмм. Да мне такой сон приснился, что я эту рябину утром ранехонько снесла и высыпала, где щипала. Как набралось народу ко мне в избу! Такие мужики до потолка! Потом иду... а едут на лошадях и плеткам[и]! Все достают хлытать меня. Ох... Я такого народа в век не видала. Это, оказывается, эта литва и есть. Вот я снесла эти ягоды. Ну они были на могилы. Ягоды-то. Я снесла обротно, рассыпала по могилкам (Там же).*

которых в этиологии старинных кладбищ важнее соотнесенность последних со временем иноземного нашествия, чем с «этнической принадлежностью» убитых. Именно поэтому мы часто не можем быть уверены, о ком нам рассказывают — о *литве* или ее жертвах: «Литва была — народа много закопали в этих горах. Они обросли, горы-то высокие. Это якобы с народом — литва проходила» (ААГ 980852 Мошенской р-н, д. Долгое КАЕ 1920 г.р., зап. август 1998).

Замечу, что в подобных случаях сам собиратель пытается добиться определенного ответа и провоцирует своего собеседника на рефлексию («Соб.: А кого там похоронили? Инф.: Литовцев. Ну там, наверно, часть и наших были. Литовское побоище. Это есть по истории. Есть по истории...») (ЕУ-Хвойн-97, № 17 АСП); «Соб.: А на жальниках... там литва лежит или наши? Инф.: Я не знаю. Говорят, что наши лежат... и литва лежит... Ну там много было» (ЕУ-Хвойн-97, № 6 АИБ). Равнодушие некоторых информантов к такому важному, с точки зрения внешнего наблюдателя, вопросу само по себе симптоматично: в этих свидетельствах сообщается о том, что на старых кладбищах лежат погибшие во время войны, но не более того: «Ну, жальник... это называется. Это захороненье... там я не знаю, когда там... в общем, литовская, что ли, или кака тут война была, понимаешь. Захороненья тут были. Там эти... сраженья, наверно, были, битвы. И там вот — разоренья там, убийства, понимаете, и все там это... И вот захороненья. Там на них... там и камни, там, с крестами, понимаете, и эти... сосны, как это... на могилах, на этих, понимаешь, там это самое. Ну вот это. А тут... по-местному жальником называют» (ЕУ-Хвойн-97, № 6 ВМГ).

Тем не менее нельзя говорить, что для любого рассказчика, определяющего посредством предания природу жальников или сопков, не важно, кто там похоронен. Верно скорее обратное: описывая древнее захоронение, информанты часто указывают на то, что это могилы литвы или же ее жертв. При этом атрибутация могильника зачастую связана с общей интенцией повествования. Если рассказчик сообщает о конце литовского разорения, он (она) определит старое кладбище как литовское. Вот характерный пример предания, в котором актуализируется мотив чудесного ослепления литовского войска.

Инф.: Я помню, у тяти была взята я в Тихвин маленькая. Ездили туда за товаром. А ездили, как сейчас вот в это ездешь — в Боксит. Той же дорогой это была, в Тихвину ездили. И все-таки сугробы — могила, могилы. А я тяти спрашиваю, он говорит: «Это здесь литва проходила, и она, они ослепли будто бы. Шла здесь кучка, ослепли и зарубили там шашиками друг друга». И оны вот похоронены к Тихвины... Бор такой. Место боровое. И вот там будто бы литва похоронена.

Соб.: А почему они ослепли?

Инф.: А Бог их знает. Наверное, Бог наказал. Богу так надо. Они ослепли, зарубили. А помню что бугры такие высокие. Я тятю и спрашиваю. А вот он мне и говорил, что здесь литва захоронена. (ТФА Любытинский р-н, д. Проскурка, ММТ 1901 г.р., зап. 1996)¹.

Наоборот, в случае, когда рассказчик повествует о прохождении литвы через определенную местность, для него оказывается важнее при описании зверств иноземцев указать на то, что в жальниках (сопках) похоронены именно «народ», т.е. местные жители.

Шла — у нас вот где я жила — там наделаны сопы. И там народ зарыт. Живой прям народ, и дети. Такая литва — это война такая была, называлась такая литва. Губили все... кого, кто навстречу попадет. Всех губили, уничтожали. Как вот немец уничтожил всех русских, так вот и литва. Сопы у нас вот там. Где вот мы жили, там сопы наделаны — большущие, высокие, как горы. Там зарыт народ весь. Живые прям (ААГ Мошенской р-н, д. Дубишки ЕАМ 1929 г.р., зап. август 1998)².

---

¹ Ср. «Курган местные жители называют “жальником, в который литву загнали”» [Лапшин 1988: 12]; «Происхождение же этого могильника, как и всех остальных местных курганов, крестьяне объясняют так: в эпоху литовского разорения, когда литовцы в убийствах, святотатствах и грабежах достигли своего апогея, Бог в наказание их лишил разума, и они перебили друг друга» [Равдоникас 1913–1915. Л. 2].

² Ср.:

Соб.: А что про этот жальник рассказывают?

Инф.: Только и говорили, что вот во время литвы, когда литва шла, значит. Были... сильно много людей поубивали; она, вроде... они хотели, этого, русского, чтобы и не было б его этого,

На территории современных Тихвинского и Бокситогорского районов Ленинградской области в преданиях о происхождении жальников часто реализуется другой мотив: местные жители хоронят сами себя, чтобы не попасть в руки жестокой литвы.

На берегу, вот здесь вот, тут, говорят, колмешта, видишь, по-вепски называется колмешта. А я и говорю: «Что это — колмешта-то?». Говорит: «Это могилки, — говорит, — кладбище». А я говорю: «А какие же?» — «Вот, говорит, бугорки-то видишь... Вы сейчас пришли-то, видишь, зимой, дак а вот летом там видно, такие: бугров много... Так вот говорят, что это когда литва шла, они очень издевались над народом. Отберут у матери ребенка и возьмут на кол посадят его. Вот так они издевались, ну, убивали, в общем, людей. Так вот они, люди-то, боялись тогда раньше. Ведь теперь, видишь, всякого оружия, а раньше... раньше, наверно, ничего, наверно, не было. Так они и боялись, так лучше своей смертью умирали. Выкопают яму, — говорит, — там столбы поставят, и туда пойдут всей семьей. Там, чего берут с собой, не берут — я ведь не знаю. А потом возьмут, эти столбы подрубят, эти столбы на них — ух! И там всей семьей они и умрут все. Вот, чтобы токо не издевались над ними». Да, вот свекровка мне рассказывала, я не знала ведь (ААГ 98030315 Тихвинский район, д. Озровичи БАН, 1935 г.р., зап. март 1998)¹.

значит, этого народа, дак. Видимо, наверное, били и не признавали, хто чаво. Уж не пушки же, орудиев в то время не было. Подумаешь, там мечам[и] какими-нибудь там похлещут если солдафоны, понимаешь ты; а это все вот этих, мирных людей, видимо, давили, понимаешь ты, и захоронили (ЕУ-Хвойн-98, № ДВА; ср. ЕУ-Хвойн-98, № 6 СИК; № 18 ИЕИ; ЕУ-Хвойн-99, № 10 КМА).

¹ См. также «Шла литва, пришла в Лиственку. “Сами себе яму выкопали, столбы поставили, на потолок наклали земли, камня. Я вся — семей там пять либо шесть — в деревне немного жителей было. Они все в эту яму как заберутся и именья все укладут туда, подкопают, столбы подпернут, и их прекратит. Вот жальники — горы, вот таки валы”» [Мельникова 1999: 18]. Ср. схожие предания о возникновении древних могильников: [Рассказов 1929: 3; Пименов 1968: 34; Рягоев 1977: 250; Королькова 2000: 124–127; ТФА Тихвинский р-н, д. Горка-Ручей; зап. 08.10.1996; д. Пудроль АЕН 1914 г.р., зап. 03.07.1997; ААГ

Как видим, в предании рассказывается не только о возникновении старых могильников, но и об исчезновении в результате *литовского разорения* древнего населения края. Это позволяет нам прямо сопоставлять рассказы данного типа, с одной стороны, с преданиями об уничтожении *литвой* местного населения, а с другой — с преданиями об «аборигенах края», исчезнувших со сцены в результате какого-либо катаклизма. И здесь речь идет не о фольклорной классификации, а о возможных интерпретационных и поведенческих стратегиях по отношению к старинным кладбищам.

Вообще говоря, велико искушение видеть в жальниках, сопках и т.п. могилы «заложных покойников». Этому способствуют как выраженные в преданиях представления о характере смерти людей, погребенных на старых могильниках (она почти всегда насильственная), так и наличие многочисленных рассказов о том, как там «пугает» или «чудится». Кроме того, достаточно часто встречаются свидетельства, согласно которым на жальниках хоронили «нечистых» покойников — мертворожденных детей, утопленников и *задавлиющих* (повесившихся). Однако у нашего материала есть несколько аспектов, которые заставляют с осторожностью относиться к перспективе подобного объяснения.

98030223 д. Корбеничи КА, 1939 г.р., зап. март 1998; 98030103, д. Усть-Капша ПМЕ, 1937 г.р., зап. март 1998; 98030621, д. Кончик ПНИ, 1933 г.р., зап. март 1998]. Вообще говоря, предания о самопогребении древнего населения при приближении врага (или просто нового народа, зачастую несущего новую веру – христианство) очень широко представлены в легендарной традиции Русского Севера, Урала и Западной Сибири и соотносятся в первую очередь с образом *чуди* [Криничная 1991, № 108–114; Городцов 1906; Шмидт 1927 и др.]. Мотив самопогребения чуди П.Ф. Лимеров возводит «к обусловленному мифологическим сценарием уходу предков-первонасельников мира под землю в связи изменением самого мира и приходом другого поколения людей» [Лимеров 2009: 88]. Этот вывод дает нам более широкую рамку для интерпретации всей нарративной традиции о «ранних людях», живших на какой-то территории до ее современного населения.

Совершенно очевидно, что, несмотря на сохраняющийся в деревенской культуре страх перед возможностью превращения самоубийцы в демонического персонаж, на «древних» жителей, закопавших себя живьем или убитых *литвой*, он не распространяется. Если беда и приходит с жальника, она всегда спровоцирована живыми. И в этом смысле древние погребения ничем не отличаются от обычных кладбищ. Их специфика состоит только в том, что они старые и потому могут быть забыты. В приводимом ниже рассказе речь идет о привидении, испугавшем того, кто невольно вторгся на территорию мертвых.

Инф.: В этом... в Новом-то Селе. Вот так, этот один у нас с Пудроли. Такой... Николай Иваныч Иванов... И вот, он говорит, его поставили там ровнять, вот в Новом Селе, там-то был жальник, жальник был, жальник...

Соб.: В Новом Селе?

Инф.: Да. И вот ровнять его послали туда... вот... А мама моя топила баню, и вот этот Николай Иванович пришел, мамы моей... мамы моей и рассказывает. Говорит: «Тетка Марья, скажи ты мне, пожалуйста, это вот, что к чему это. Я, — говорит, — мол... Направили меня туды жальник этот ровнять в Новом Селе... в Новом Селе. Я, — говорит, — ровняю жальник, а ко мне, — говорит, — вот вышла женщина, женщина вышла и говорит: «Что ты делаешь?! Что ты делаешь?!». Вот. Я вам... а он говорит: «Я не сам, меня послали, там, че-то, жальник ровнять». И вдруг эта женщина... «Я, — говорит, — копаюсь там, а ей уж нет». Это...

Соб.: Как женщина выглядела, не рассказывал?

Инф.: В черном. В черном, вышла и говорит: «Что ты, мол, делаешь, грех на душу берешь?». А он: «А я ведь не сам, а я даже внимания не дал...». И вот мама топила баню дома. В Будоли вот... Ну вот, и он, сосед, и пришел к нам и говорит, что: «Ой, — говорит, — тетка Марья...». Ему привиденье... (ТФА Тихвинский район, д. Горка-Ручей, зап. 08.10.1996).

На древние захоронения распространяются все запреты, связанные с кладбищами. Оттуда нельзя ничего брать (иначе к тебе будут ходить, требуя вернуть взятое), там нельзя рубить дере-

вья, косить траву, собирать грибы и ягоды¹. Что же касается рассказов о видениях (горящие свечи или огоньки, появляющаяся белая фигура), то они не очень отличаются от обычных историй (в том числе скептических) о последствиях ночных посещений обычных кладбищ. Посредством подобных нарративов традиция воспроизводит представление о жальнике как о погребальном сооружении.

Итак, жальник — это в первую очередь кладбище. Являясь кладбищем старым и в какой-то мере «не своим», он редко используется «по прямому назначению»². Однако при определенных условиях это становится возможным. Так тихвинские карелы-старообрядцы, не веря в «святость» прицерковного погоста, предпочитали хоронить умерших *староверов* (людей, соблюдавших все запреты и предписания) именно на жальничных могильниках [Фишман, Цыпкин 1997: 79].

В этом отношении характерен пример жальника у деревни Филиппково (Любытинский район). Он стал использоваться как современное сельское кладбище во время Второй мировой войны, и первым, кто был похоронен на нем, стал разбившийся советский летчик. Одного захоронения было явно недостаточно, чтобы рядом с новой могилой стал функционировать деревен-

---

¹ В этом отношении характерна следующая ситуация. Древние погребения зачастую становятся предметом интереса археологов. При этом проведение раскопок вызывает живое возмущение среди местного населения: «Дак кто-черт пришел, взял бы их, осматил да отправил — все могилы выкопали, все косье выкопали, вздынули наверх! А зарыть — не зарыли! <...> Да нечего было вырывать! Чего они токо, я не знаю, вырывали?!» (ЕУ-Хвойн-97, № 17 УТВ).

² Ср. следующий фрагмент интервью:

Инф 1: [У одной женщины] сын утонул. В войну. А весть-то не на чем было. Да и взяли зарыли в жальник. Дак от ей тожко все чудилось, что он кричит. Дак и пришлось... Перевезла туды — все равно на кладбище. Вырыла и перевезла.

Инф. 1 [одновременно]: На кладбище? Ну вот. Вот так. Не на место похоронили. Вот видишь.

Инф .2: А ей все думается, что все ревит да кричит да все (ТФА Любытинский р-н, д. Анисимиха ФЕА 1920 г.р., ГАИ 1909 г.р., зап. 07.07. 1994).

ский некрополь. Как уже говорилось, на жальниках иногда погребали «нечистых» покойников, которых нельзя было класть в «освященную» землю. Этим дело могло и ограничиться. Однако в Филиппкове нашлись энтузиасты, которые не только стали ухаживать за новой могилой¹, но и с одобрением отнеслись к превращению жальника в кладбище. Одной из причин этого было то, что, по местному преданию, на жальнике стояла разоренная литвою церковь и, следовательно, старый могильник располагается на «церковной земле» («У нас тут Церква-Барыня была, церква была, и колокола опущены в ріку у нас. Это раньше говорили, что литва ходила кака-то, литва. Дак вот нашу церковь разорила») (ТФА д. Филиппково ГНН 1908 г.р., зап. 1996²).

Хождение на жальник в поминальные дни теперь осознается как вполне традиционная практика («Печем пироги, в Троицу мы там, в Пасху мы туды. В родительский день несем, в жаль-

---

¹ *Девятого числа [мая] мы... У нас тут братская могила есь. Ну ни... оны хоть не похоронены, а доска привезена, сделана. Дак мы ходим, празднуем. [На жальнике] летчик захоронен у нас — Константин Кры... Крымский, украинец. Дак мы на того... ходим кажсыный... И цветы носим. <...> Конечно, приезжали оны к нам, хотели его увесь — как года два ены приезжали оттуда, с Любытина. Что? Оны думали, что он где-то на поле кинут, и ни... ни... только что знак. Приехали. Тут трое приехали, да. Вот. А мы... я вышла, бабка эт... тут вышла еще... Я думала, какой врач приехал. Подошла, г[овор]ю: «Здравствуйте. Вы не врач? У меня голова горазно болит, дак она...». А он и говорит: «Не, бабушка, мы — не врач». А я г[овор]ю: «А хто вы?». «А мы, г[овор]ит, приехали: у вас тут летчик похоронен. Дак, говорит, где он? Може, брошен где, что ходит скот?» Я г[овор]ю: «Не-ет. У нас летчик убран, как... своя дитя. Мы на... ево ходим, как мать евона, как мать! Мы ходим и поминаем. Зайдем, пирогов напечем, всего... кутьи и... Ну все кладбище на ево навалит. Цветы. С сельсовета приходят, приносят цветы», — я говорю. «А мы приехали его убирать. Вот надо его вот туды в Любытино увесь». Я говорю: «Вы не дотрогайте до тела евоного! Чтоб не было шевельнуто! Его, говорю, надо вам выкопать, [а] топерь уж там, може, его и нету. Да надо потом обратно же его оппеть. Его нельзя тогда, не опеши, — я говорю, — хоронить! Вы что будете делать?». Мы не дали. И вот йон у нас оставиш (ЕУ-Хвойн-97, № 39 ГНН).*

² См. также: (ЕУ-Хвойн-97, № 38 МИН; № 39 ГНН).

ник ходим. Мы Господу Богу, знаешь, верим, мы не нынешние дураки» (Там же), а древнее кладбище воспринимается как «своё».

Однако судьба филиппковского жальника — скорее исключение.¹ Большинство древних захоронений не адаптируются крестьянской культурой настолько, чтобы полностью потерять свою специфику. Устная традиция закрепляет за чужими, старыми могилами ряд значений, которые обеспечивают их выделенность из ландшафта. При этом спектр этих значений простирается от определения старого кладбища как места нечистого до отнесения его к числу сельских святынь.

С этой точки зрения характерен фольклор деревни Заделье (Хвойнинский район). Около Заделья расположено два жальника. Один из них считается местом нечистым, и о его этиологии крестьяне предпочитают не высказывать своего мнения. Единственно, о чем говорят применительно к этому жальнику, — это то, что там кто-то столкнулся с русалкой². Поэтому туда стараются не ходить.

Совершенно иначе обстоит дело с другим задельским жальником. Он функционирует в качестве деревенской святыни: там находятся иконы («боженьки»), убранные занавесками; в дупло одной из сосен приходящие на жальник (или просто проходя-

---

¹ Нам известен схожий случай из Тихвинского района Ленинградской области: «Кладбище у дер. Белый бор возникло после Второй мировой войны – стали хоронить здесь в поле. Это кладбище и часовня возникли на месте какого-то старого кладбища, где «забудущих хоронили – Литва» (из полевых материалов О.М. Фишман; цитирую по публикации: [Платонов 2011: 248]). О почитании «забудущих родителей» речь пойдет несколько ниже.

² *Вот если вы были у жальника, жальник там, и там по ту сторону жальника вручную был выкопан пруд. Выкопан для чего? Для пойки скота. Вот один дед говорит, понимаешь, идя с охоты, а тогда не с ружьями охотились. Этот дед был Каляка называли. <...> Так он вот так, рано утром бежал с охоты, то есть ставили петли. Охота не с ружья, а с петли. Дичь ловили. Ну и вот, подходя к пруду этому, вот он видел эту русалку, потому что он не перекрестясь вышел из дома, как после старики говорили. Никто не должен ее видеть (ЕУ-Хвойн-98, № 29 СВН).*

щие мимо него) опускают монеты. По словам местных жителей, они ходят туда во все праздники, включая воскресенье.

Один из главных аспектов восприятия жальника заключается в приуроченности к нему обетных практик — *заветов*. Эта тема постоянно всплывает в разговорах о том, что делают на жальнике: «А иконку повесят — дак и завещались все. Ужо повешу я... для здоровья, для чего» (ЕУ-Хвойн-98, № 19 МАН). Интересно, что в этиологических рассказах о происхождении этого жальника, несмотря на то что он многими считается захоронением, оставшимся от литвы («А вот мы самы иногда думаем, что: Господи помилуй, да что это за жальник. <...> А вот, говорят, как-то литва ходила, литва. Ну вот как... да рубили народа да в эту яму валили. Правда али — не знаю» (У-Хвойн-99, № 10, КМА), возникает мотив «оставления участка земли по обету». В следующем фрагменте интервью наш информант объясняет происхождение почитаемого задельского жальника следующим образом (замечу, что несколько раньше он связал возникновение жальника с литвой, которая напоминает о себе в данном пассаже «То есть тут проходила...»):

Вот этот жальник. Он как бы по завету, по... по всей вероятности, оставлен. То есть тут проходила... как бы тут еще вам... Там часть... вот по это... по крепостному праву принадлежала какому-то мужчины бы. Вот в чем дело. И вот и его часть как бы ... его завет, по-видимому. Оставлен этот жальник. Вот это... сосны оставлены, потому что кругом леса больше не было (ЕУ-Хвойн-98, № 27 СВН).

Таким образом, актуальные обетные практики соотносятся рассказчиком с самой природой почитаемого локуса. Надо полагать, что здесь мы имеем дело с индивидуальным творчеством, которое, несмотря на свою индивидуальность, в целом находится в русле местной традиции: согласно нескольким рассказам, около соседней Заделью деревни действительно «жальник» был устроен заново, опять же в качестве *завета*:

Соб.: А за Лезгино что за березы?

Инф.: Там тоже такой же стоит, как этот жальник. Огорожен был; завечаются да ставят. Боженьки поставят.

Соб.: А как он появился, не рассказывали?

Инф.: Кто-нибудь захворал, да столон поставили. Вот. «Сделаю такой жальник да, може, поправлюсь» (ЕУ-Хвойн-98, № 28 ФАЯ)¹.

Впрочем, «новый» жальник большинством рассказчиков определяется как «ненастоящий» («как бы жальник»)². В качестве обетного сооружения он считается местом «божественным», но при этом недостаточно «архаичным»: настоящий жальник стоит с незапамятных времен, что для многих крестьян делает рассуждения о его происхождении бессмысленными («А ничово не знаем, откуда он появился. И как он появился — ничово не знаем») (ЕУ-Хвойн-98, № 19, МАН).

При этом представления о самой природе этого объекта имеются практически у всех, независимо от того, хочет или не хочет человек, говорящий о жальнике, их эксплицировать. Так, одна информантка, поначалу отказавшись говорить о происхождении почитаемого задельского жальника («Этот жальник — йон был и до меня, и после меня етот жальник»), затем назвала его кладбищем и рассказала о свете таинственной свечи, который там видели («Дак сторожиха все говорила, что в жальнике горит свечка. Кажну ночь. А хто эту свечку зажигал, хто гасил — нихто не знает») (ЕУ-Хвойн-98, № 22, ЛЕН).

---

¹ О соотносительности жальников и практики обетов см. также: [Панченко 2002: 87–88].

² Вот как прокомментировал вопрос о происхождении «нового жальника» один из информантов:

Инф.: Жальник — это называется большой боровой сосняк. А там стоит как часовенка, раньше жил дед, Степан Иваныч. Вот ем... <...> Ему было заветивши, что постави вот на этом месте, чтобы посади лес. Вот он посадил этот лес, этот лес рос, народ все ходил мимо, стоял палисадник, все люди интересовались, ходили. Так...

Соб.: Где жил дед Степан Иваныч — это жальник ли нет?

Инф.: Нет, то ево у самого посажено. У самого. [Инф. 2.(одновременно): Жальник — это здесь, в Заделье.] А жальник называется вот сосник-то большой (ЕУ-Хвойн-98, № 28 РИД).

Подобные истории широко распространены и недвусмысленно указывают на то, что местные жители видят в своем жальнике именно погребальный памятник (а также место, где зарыт клад¹). Заметим, что именно эти рассказы, наряду с преданиями, формируют представления о характере подобных деталей сельского ландшафта.

Таким образом, сельское население восточной Новгородчины и некоторых соседних регионов видит в жальниках (и сопках) прежде всего старые кладбища. Эти представления наряду с убежденностью в том, что когда-то по этой земле проходило иноземное нашествие, являются достаточным условием для создания и воспроизведения этиологических рассказов о возникновении древних погребальных памятников в результате *литовского разорения*. При этом для многих крестьян вопрос «Кто похоронен на жальниках — литва или ее жертвы?» не требует прояснения. И те, и другие воспринимаются как «ранние» люди (см. распространенный мотив гигантизма людей, погребенных в жальниках и сопках), исчезнувшие в результате военных действий². В тех же случаях, когда «этническая принадлежность» похороненных в рассказе указывается, она обычно строится как оппозиция *литвы*. Но, так или иначе, подобные рассказы конструируют систему смыслов, относимых к определенным про-

---

¹ *А это жальник — там, говорят, что когда-то были захоронены какие-то богатые люди. И вот я слышала, что здесь одному приснилось, что... Но в жальнике рубить ничего нельзя. Понимаете, даже веточки... А ему приснилось, что вот там найдена така коробка — все золото, все серебро там... Он говорит: «Но я боюсь туда лезть. Почему, потому что нельзя»* (ЕУ-Хвойн-98, № 38 СВФ).

² Интересно, что в крестьянской устной традиции существует тенденция видеть в иноземцах первоначальников данного региона: *Мой дедушка рассказывал... Раньше, го[во]рит, эстонцы, латыши... оны все здесь были — вот в наших краях. А похоронены, говорит — вот одна, г[во]рит, половина ноги чуть ли не полтора метра. Высокие были похоронены все* (ЕУ-Хвойн-98, № 36 ПВП). О мотиве гигантизма погибшего древнего населения см. [Левинтон 1974; Белова 1995; Толстая 1998: 29–31]. Наиболее близкую типологическую параллель этому явлению нужно видеть в «поминках по латышам» (Волховский уезд) [Историко-статистические 1884: 154] (см. ниже).

странственным объектам, и оказывается, что рядом с современными деревнями существуют «похоронечки заросшие» — чужие кладбища.

Показательно, что нам неизвестны варианты традиции, в которых существование в окрестности «чужих» погребений полностью игнорировалось бы современным сельским населением («Крестьяне имеют обыкновение рассказывать какую-либо сказку о всякой сопке и кургане» [Богословский 1865: 127]). Сам факт их наличия всегда является некоей провокацией для носителей крестьянской культуры, которые в зависимости от конкретных обстоятельств выбирают ту или иную стратегию адаптации «чужого» в повседневную и ритуальную жизнь деревни. Применение наиболее «агрессивных» методов приводит к тому, что «старое» кладбище перестает существовать в качестве такового. Иногда средневековый погребальный памятник превращается в сельский некрополь, «свое» кладбище, как это случилось с жальником около деревни Филиппково. В других (еще более редких, если не исключительных) случаях старинные погребения, расцениваемые как источник постоянной опасности, уничтожаются (см. описание ликвидации «могил панов»: [Панченко 1998: 214–215]), в чем можно видеть реализацию поведенческой схемы, направленной на ликвидацию вредоносных («заложных») покойников (ср. [Зеленин 1994: 259]).

Однако в большинстве случаев отношение к древним могильникам не предусматривает каких-либо действий, направленных на изменение их статуса. В этих условиях традиционная культура предполагает две противоположных стратегии, реализация которых определяет восприятие «чужих» кладбищ. Каждая из них зависит от того, как ныне живущие позиционируют себя по отношению к тем, кто похоронен в жальниках, сопках и т.п.

Если похороненные осознаются в качестве «пришельцев» в данном регионе, т.е. их статус близок к асоциальности, то старые кладбища, как бы близко к современным они ни располагались, становятся объектом суеверного избегания, как это происходит со *шведскими мѳгилами* на западе Псковской и Ленинградской областей [Жормина, Штырков 2001: 208–209]. Когда же легендарная традиция атрибутирует древние кладбища как

могилы исчезнувшего в результате какого-либо катаклизма населения («ранних людей» или аборигенов края, если пользоваться терминологией Н.А. Криничной), у носителей культуры появляется иная перспектива в определении статуса похороненных и, соответственно, построения отношений с ними.

Специфика образа первоначальников края состоит в совмещении характеристик социально «своего» и социально «иного». Они соотносятся с современным населением по признаку проживания на «этой» земле («Да наши, наши — на нашей земле, дак наши конечно») (ААГ 98080750 Мошенской р-н, д. Дубишки ЕАМ 1929 г.р., зап. август 1998). Но при этом сама распространенность мотива полного уничтожения населения *литвой*, представленного в преданиях о древнем разорении («Так идут: попала деревня — там прибывают всех. В одном месте их там бьют, закапывают, дальше вот идут сюда») (ААГ 98084388 Мошенской р-н, д. Ягайлово ХЕ, зап. август 1998), указывает на то, что между «ранними людьми» и живущими ныне лежит граница — *литовское разорение*.

Последнее обстоятельство редко становится предметом рефлексии со стороны рассказчиков. Особенно это касается определения существующей оппозиции в терминах «этнической принадлежности» ее членов. Для «ранних людей» критерий «этничности» остается неактуализованным, как иногда и для самой *литвы*: «Литва шла какие-то все военные, ай кто? Я не знаю, кто литва. Народ какой-то ишел, не знаю я этого, это давно было...» (Любытинский район, ст. Теребутенец [Маслинский 2000: 6]). Провокативные «уточняющие» вопросы собирателей заставляют рассказчиков сделать попытку определить статус похороненных на старых кладбищах «ранних людей», что иногда приводит их к парадоксальным заключениям: «Эти люди — русские, но не местные» [Мельникова 1999: 18].

Впрочем, подобное положение дел, а именно отсутствие специального этнического термина для именованя актуального для культуры явления (в нашем случае — определенного класса умерших), не столь редкий для этнографии и фольклористики случай. Д.К. Зеленину, выделившему на материале восточнославянских представлений и ритуальных практик особый класс опасных покойников, пришлось воспользоваться для его номи-

нации редким диалектным словом «заложные». У нас тоже есть возможность воспользоваться диалектным выражением для определения специфики, характеризующей отношение современных крестьян к людям, похороненным на древних кладбищах.

Забудущие родители:
почитание древних погребальных памятников
как специфическая ритуальная практика

Термин «забудущие родители» впервые появляется в археологической литературе начала XX в., посвященной описанию древних погребений восточных уездов Новгородской губернии. Так, Н.К. Рерих, описывая современное состояние жальников, писал: «В большинстве случаев при жальнике находится часовня, и если часовни и не имеется, то все-таки по определенным дням совершается панихида по “забудущим родителям”» [Рерих 1903: 16]¹.

Можно предположить, что услышанное один раз выражение, относящееся к какому-либо определенному памятнику (или ритуальной практике), было экстраполировано на другие, тем более что нам известно почитаемое место близ деревни Зихново (Боровичский район), носящее именно такое название [Забудущие родители 1906; Галкин, Бовкало 1997]. Эта святыня была центром многолюдного паломничества: туда приходили крестьяне из деревень, расположенных более чем за 50 км от нее (ЕУ-Хвойн-98, № 4 ДВА; № 22 ЛЕН). Вот как описывает почитание «забудущих» пожилая новгородская крестьянка (характерно, что разговор идет о пустоши, оставшейся, по преданию, от *литовского разорения* и заселенной уже в начале XX в.):

---

¹ Большой объем сведений о жальничных часовнях Тихвинского уезда Новгородской губернии собран Е.В. Платоновым. В его недавней монографии-каталоге можно найти сведениях о десятках подобных сооружений [Платонов 2011: 61; 62; 64; 68; 71; 75; 83; 86; 114; 131; 133; 137; 140; 142; 149; 150; 159; 176; 183; 195; 203; 207; 212; 220; 221; 224; 229; 248; 255; 265; 270; 272].

Инф.: Находили жернова, находили охваты. Ну всего находили. Видно, что здесь люди жили. Видно было. Могилы там, кладбище. И считалось забудущие родители. И вот это называется праздник. У нас тоже заветный праздник — Десята Пятница Головна. Головна Десята пятница. Головна называется. И была часовенка у этого кладбища, и мы ходили в часовенку, ходили поминали забудущих родителей. Многих деревен по завету приходили, многих деревен приходили.

Соб.: Забудущих родителей иль как?

Инф.: Забудущих. Оны давно, никто не ходят; все убиты, забыты у людей. Забудущие.

Соб.: Это в той деревне, где литва прошла, да?

Инф.: Где литва. На нашем хуторе (ТФА Любытинский р-н, пос. Неболочи САА 1914 г.р., зап. 28.07.1994).

Само словосочетание хорошо известно в регионе именно в качестве топонима и часто ассоциируется с «маршрутом» прохождения *литвы* («Вот это литва вот. От Литвы [шла]. А вот ишло вот, у Забудуших-то — там тоже село Любань. И за Боровичи — Десята Пятница называется... Начинались оны от Литвы и шли, вот, на... на Волок, к Десятой Пятницы. От Десятой Пятницы, вот, оны свернули, значит» ЕУ-Хвойн-97, № 8 КАА). Однако семантика фразы, совмещающая в себе характеристики «своего» (родители, непосредственные предки) и «чужого» (*забудущие* — забытые, те умершие, с которыми нет непосредственной связи), определила использование этого словосочетания как термина, обозначающего как сооружения на старых кладбищах, так и определенный класс покойников. В первом случае «забудущими родителями» именуется часовня на жальнике¹. Во втором этим термином прямо определяется характер отношений между живыми и похороненными на жальниках:

---

¹*А потом эту часовенку [на жальнике] у нас там один тоже, когда колхоз-то стал, дак надумал на колхозную яму перевезть. Этот через озеро переправился, дак его Господь наказал. Он яму-то перевез, а потом его скорезило всего. А это часовенка-то была Забудущие родители... Ну давным-давно все похоронено (ТФА, Любытинский р-н, д. Дедлово, зап. 03.07.1997).*

Соб.: А что такое жальник?

Инф.: Бог его знает; похоронечка заросшая. Сходим, поклонимся, положим копеечки... Это забудушим, забытым родителям. Положим копеечку и свечку зажжем. Кто похоронит, не знаю. Рубить нельзя, это говорили старушки. Ничего не рвали. <...> Поди где, на войне, дак...

Соб.: То есть все там, кто забылся?

Инф.: Да, да, да, да. Вот пойдете на кладбище, и положьте, скажи: «Забудущие родители, помогите нам». <...>

Соб.: А яичко не крошили?

Инф.: Яичко? Покрошишь; а есть, дак и конфетинку положь.

Соб.: Это в родительскую субботу?

Инф.: В родительскую. Много родительских дней. Когда пойдете [на кладбище], да... Рядом, може, какие [т.е. рядом с могилами родителей] забудущие, к ним не ходят. Положишь конфетинку: «Вот, забудущие родители, царство вам небесное» (ТФА, Любытинский р-н, д. Дворище ИМК 1910 г.р., зап. 30.06.1994).

Данный фрагмент интервью интересен в нескольких отношениях. В сознании рассказчицы жальник как-то связан с войной («поди, где на войне...»), и она помимо *забудущих* поминает там своего погибшего и неизвестно где похороненного брата. Но для нас здесь важно другое: информантка прямо определяет значение термина «забудущие». Это те мертвые, которых некому помянуть. Соответственно, любые заброшенные могилы, находятся ли они на старом или на современном кладбище, — это могилы *забудущих*, и на них совершаются обыкновенные поминальные действия: жгутся свечи, крошатся яйца, оставляются конфеты и произносятся необходимые формулы («царствие вам небесное»).

Однако, как ни велико желание рассказчицы подчеркнуть близость статуса «забудущих» к «обыкновенным» предкам, некоторые детали описанных ею ритуальных практик демонстрируют его своеобразие. На жальнике, в отличие от современных могил, оставляют деньги и к покойникам, там похороненным, обращаются с просьбой о помощи, что живо напоминает о кре-

стьянских обетных практиках¹. Обе эти детали говорят о том, что в жальнике видят объект, функционально близкий сельской святыне.

Примечателен следующий факт: по воспоминаниям крестьян, «мужики, когда в армию шли [имеется в виду уход на войну], подходили к жальнику кланяться» (ТФА Любытинский р-н, д. Задушенье, зап. 1994). Мужчина, вернувшийся с войны, *по завету* ставил столбик с иконой на древнем могильнике, на котором, по преданию, были захоронены жертвы *литвы* (ПДА Хвойнинский р-н, д. Шилово).

Таким образом, к «чужим» кладбищам применяются различные когнитивные схемы и акциональные стратегии. Но, так или иначе, в них видят канал, связывающий два мира — свой и иной, через который современные крестьяне получают как вполне «материальные» блага (излечение, спасение от смерти), так и информацию. В последнем случае знаки-видения осмысливаются как предвестия каких-либо катастрофических событий².

---

¹ Ср.:

Жальники... У нас, значит, был... это... здесь один где... ну житель. У его сошел с ума сын. И он решил поставить там часовенку. Там часовенка была. И молились, ходили туда, чтоб ему Господь здоровья дал (ЕУ-Хвойн-97, № 22 МАЕ).

Соб.: А вот что за часовенка там [на жальнике] стояла? — Инф.: Часовенка... вот. Вот за жальником на эти... часовенка стояла. Вот она... У моего дяди, у ронного. Выстроил часовенку и поставил это заве... завеца... ну, завет сделал, что... Здоровья у него... Тожо глаза у его испортились. И он вот заветилси сделать часо... часовню поставить (ЕУ-Хвойн-97, № 17 ЯМЯ).

² *Инф.: У нас жальник. А вот, желанныи, как перед войной парню [почудилось]. Он почту носил из Бабья, и пошел. Желанныи мои, а на жальник-то посмотрел (идет вечером), а там мужики сидят и груда [костер. — С.Ш.] горит. Все черные. Он grit: «Иттить мне аль не иттить? Не знаю, что и делать». Разговаривают. А на жальнике огонь горит. А когда днем пошел — нету! Никакого там! Вот — трава и есь.*

Соб.: А что там горит — груда?

АТ: А... а ен видит. Идет. «Я, — говорит, — иду... что груда горит и там мужики»... Разведено, видишь. И его убили в войну (ЕУ-Хвойн-99, № 31 ТАА).

Замечу, что согласно имеющимся в нашем распоряжении данным говорить о сложившемся культе *забудущих родителей* в восточной Новгородчине не приходится. Мы имеем дело скорее с некоей тенденцией в осмыслении характера древних погребений, которая в некоторых случаях провоцирует какие-то ритуальные действия. Иногда эта тенденция проявляется на индивидуальном уровне:

Соб.: На жальниках... там литва лежит или наши?

Е.М.: Я не знаю. Говорят, что наши лежат... и литва лежит... Ну много там было. На этом... на Митине жальник... Дак эта тетка-то умерши, ей все снилось, чтобы она туда ходила. Дак она ходила. Вот Куша такая была. Бывало: «Акулина Алексеевна, ну куда-то ты все бегаешь?» — «А на жальник. Мне все снится, чтобы я туда ходила». Дак что? Может, с родственников кто там лежит. Она все бегала туда, на Митино.

Д.Д.: А что она там делала?

Е.М.: А снесется там, положит, да... на могилку поесь. Оставит и уйдет. Сама помянет и уйдет. Че она там будет делать? (ЕУ-Хвойн-97, № 7 МЕ).

Однако эта тенденция могла привести к образованию более или менее законченного культа почитания старых кладбищ и даже быть поддержана официальной Церковью, как это случилось с уже упоминавшимся урочищем *Забудущие родители* около деревни Зихново [*Забудущие родители* 1906]. В таких случаях в почтении к неизвестным покойникам клирики видели проявление христианского духа («Крепка и сильна еще вера православная в простом, не развращенном ложным просвещением народе» [*Забудущие родители* 1906: 1451]). Но как бы там ни было, в установлении поминания «забудущих» инициатива исходила от крестьян.

Кстати говоря, порой мы можем узнать, как возникали подобные святыни, складывались и изменялись практики их почитания. Я остановлюсь на истории все тех же *Забудущих*.

В середине 1850-х годов в Новгородской епархии, как и в некоторых других, местному духовенству было поручено сделать т.н. «историко-статистическое описание» своих монастырей и церковей (вернее, приходов). Полученные материалы не были

опубликованы и хранятся сейчас в отделе письменных источников Новгородского музея-заповедника. Там я нашел рассказ о возникновении упомянутого почитаемого места. Все это свидетельство я поместил в приложение 2 этой книжки и сейчас ограничусь кратким пересказом.

Итак, в 1790-е годы (датировка здесь весьма условна) крестьянин деревни Зихново Гурий Дорофеев попросил священника храма, располагавшегося в селе Любонь, отслужить панихиду на жальнике в урочище Становое, который местное предание связывало с литовским разорением. Священник, сделавший описание данного почитаемого места, объясняет эту инициативу благочестием Дорофеева, но я предположил бы, что последнее было разбужено каким-то знаком, например, сновидением.

С этого момента началось паломничество. Крестьянин Иван Иванов из деревни Хомли поставил там часовню во имя св. Параскевы, у которой стали проводить богослужения два раза в год — в десятую (по Пасхе) пятницу и 28 ноября (память св. Параскевы-Пятницы). Позднее право на службу в урочище перешло к клиру приходской церкви, расположенной в селе Сопины.

Во второй половине XIX в. на Забудущих поселился старец Григорий, а затем (возможно, после смерти Григория) другой подвижник «дедушка Петруша». Дедушка Петруша стал известен в округе, и к нему приходили за советом. Хотя он умер век назад (1903), до сих пор некоторые местные жители могут рассказать о том, как проявлялся дедушкин дар прозрения¹. В 1906 г. здесь был основан скит новгородского Антоньева мона-

---

¹ Например:

[На Забудущих] этот старец жил. У него как бы... сначала-то земляночка была. Он еще до церкви якобы жил, вот. Как бы еще до церкви. Вот когда тут стали строить, он и сказал, что «скоро, скоро все ветром сдует». И разнесли. Все тут в самом деле и разнесли. Разнесли» (ММ, урож. Калининской обл., 1927 г.р. Зап. на урочище Забудущие, праздник «Девятая пятница» 05.06.02.).

стыря, который в начале 1917 г. был преобразован в самостоятельный монастырь — Пятницкую общежительную пустынь¹.

Примерно так же возникла святыня, практика почитания которого предполагает поминовение жертв литвы, в одном из приходов Валдайского уезда. Там на древних могилах стали служить ежегодную панихиду («Близ деревни Кострубля есть большая старинная роща с древней деревянною часовней, в роще заметно много могил. Есть предание, что до нашествия литвы была в этой роще церковь во имя Успения Божьей матери, что колокола и утварь церковная погружены в колодезь, который указывают на болоте близ рощи, и что будто бы в старину слыхали подземный колокольный звон в этом месте. По просьбе жителей деревни Кострубля, с 1861 г. ежегодно в день Успения после литургии делается крестный ход в эту рощу, в которой

---

¹ На Забудущих были построены две церкви: деревянная — св. Параскевы, и каменная — св. Антония Римлянина. Видимо тогда (но возможно и позже, когда на рубеже 1920–1930-х годов последние незакрытые монастырские храмы получили статус приходских) здесь, рядом с могилами старцев Григория и Петра на освященной земле возник сельский некрополь. Пустынь просуществовала до трагического 1937 г., когда ее последние насельники были арестованы и расстреляны [Галкин, Бовкало 1997]. Однако, если верить местной устной традиции, еще некоторое время на погосте жил вернувшийся сюда монах (возможно, первый игумен пустыни) Серафим, который крестил детей, отпевал умерших, и, вероятно, каким-то образом контролировал почитание святыни, которое не прекратилось с ликвидацией обители. На местном кладбище есть его могила. В годы проведения хрущевской антирелигиозной компании, направленной в т.ч. и на ликвидацию популярных сельских святынь, источник и расположенные рядом с ним купальни были засыпаны, но это, как и в большинстве подобных случаев, не остановило народное почитание Забудущих: через некоторое время энтузиасты культа расчистили источник и восстановили купальню. Паломничество к святыне продолжается по сей день. Правда, для многих местных жителей это уже не просто паломничество к святыне, а поминальное посещение кладбища. Так древнее кладбище снова стало функционировать. О современном почитании забудущих см.: [Штырков 2003].

<...> служится общая панихида по всем почившим» [Богословский 1865: 53)]¹.

Во многих случаях поминовение древнего населения не было освящено авторитетом Церкви и носило чисто народный характер. В Волховском уезде (Санкт-Петербургская губ.) крестьяне поминали аборигенов края латышей², а в Лодейнопольском уезде (Олонецкая губ.) — панов³. На западе же Ленинградской области до недавнего времени поминали *шведов* [Львова 2000: 57]⁴, которые в устной традиции выступают то как первоначаль-

---

¹ Подобные практики были достаточно широко распространены и в рассматриваемом регионе. Вот как коротко характеризуется состояние жальника у д. Мглицы в реестре археологических памятников начала XX века: «На жальнике служат панихиды: раскопки невозможны» [Романцев 1911: 8].

² «В приходе есть старое кладбище, находящееся близ села и называемое Латышским. Идя, в поминальные дни, на это кладбище, прихожане говорят: “Пойдемте, православные, поминать латышей”. Кладбище это ныне уже занято усадьбами причта, и здесь иногда находят остатки человеческих костей. Кроме того, у старожилов есть предание, что здесь, когда-то, была война с латышами, и побежденные латыши ушли в другое место, а здесь поселились пришельцы, предки нынешнего поколения. Об этих латышах сохранилась в народе память как о людях добрых» [Историко-статистические IX: 154].

³ «В четверг на Троицкой неделе ежегодно у часовни, стоящей в роще на возвышенном месте среди деревень, собираются крестьяне; все домохозяйки приносят из дому по кринке молока и чашке киселя, ставят их на несколько минут под образа; затем садятся на лавочки вокруг часовни и едят все это сообща, поминая “панов”, о происхождении которых рассказывают так: “Соберется было шайка, вот и скажет кто-либо: “Я буду над вами паном”, и станет *паном*; да и у нас все зовутся паны, *вся деревня пановы, паны*”. День этого празднования зовется “Киселев день”. <...> Как-то раз решили даже не праздновать, но после этого случился неурожай овса; неурожай объяснили мщением за игнорирование празднества, и с тех пор празднуют его ежегодно» [Куликовский 1897: 100].

⁴ Ср.:

А про шведов говорили, что шведы в Черной похоронены. И там ведь как получилось: там сосны такие растут, ну и хотели что-то строить, наверное, ну и сами черновские им не дали,

ники здешних мест («Шведы были здесь, жили. Кладбище, где мы теперь хороним, было шведское», Волосовский р-н, д. Селища. Зап. А.А. Селин, 01.10.1993), то как враги-иноземцы, лишённые, правда, в отличие от *литвы* восточной Новгородчины, атрибутов чудовищной жестокости и склонности к святотатствам («Про шведов говорили, что они воевали тут. В Кингисепе, говорили, были шведы. Ямбург все это называли... Церковь и есть Грызово, говорили, война была, грызли друг друга» (Волосовский р-н, д. Озертицы. Зап. А.А. Селин, 28.09.1993).

Очень интересное описание обряда поминовения, связанного с историческим преданием о литве, мы находим среди материалов по этнографии вепсов, проживающих в Тихвинском районе Ленинградской области: «У капшинских вепсов в с. Нюрговичи Петров день... начинался с праздничного выгона скота к пастуху: каждая семья, неся по большой чашке творога, гнала своих коров на пригорок, где происходило всеобщее угощение друг друга творогом. После этого все шли к священному месту *koumist* — высокому холму, на котором росло несколько деревьев. В *koumist* были похоронены родители, т.е. предки жителей данного села, которые, по преданию, спасаясь от жестокой литвы, заживо погребли себя в землю. На этой коллективной могиле предков жители поминали родителей: трапезничали и оставляли на ней творог, пироги, яйца» [Винокурова 1994: 91; ср. Муллонен 1994: 123].

Распространено почитание древних чудских кладбищ (кустов) и на Вологодчине [Никитинский 1989]. Но, пожалуй, в своей наиболее яркой и устойчивой форме культ древнего населения края проявился в почитании «чудских родителей» у коми-пермяков и их соседей — русских и коми-зырян [Сорокин 1895: 34].

По представлениям уральских крестьян, на территории края древности проживал другой народ: «Старыми» (неточный народный перевод слова «важ», означающего не только «старый», но и «древний», «прежний») коми-пермяки называют какое-то древнее население Верхнего Прикамья, которое якобы исчезло с

сказали: «у нас тут шведы похоронены» (Волосовский р-н, д. Лиможа. Зап. А.А. Селин, 28.09.1993).

приходом “нового” (виль), “нашего” (миян) народа. Его называют также “иным”, “прежним” народом, “неверующими”, “антихристианами”, “жидовлянами” и чаще всего “чудью» [Грибова 1964: 1] (см. также [Огорокова 1998: 51]).

Вообще говоря, легендарная традиция, касающаяся аборигенов края, характеризуется известной «размытостью» и разнообразием. Согласно преданиям, записанным П. Сорокиным в конце XIX в., чудь «при перемене века, когда Русь осилила <...> ее, ушла в землю и заживо погребла себя, избавляясь от “крещеной” веры, однако некоторые крестьяне приписывают истребление чуди “жидам»» [Сорокин 1894: 39–40].

При этом современное население четко различает «новых» родителей и «древних»: последние лежат на «древних могильниках» («Здесь лежат “не наши”, чужой, прежде живший народ, чудь, которая сама себя захоронила, и что не почитать их — большой грех» [Грибова 1964: 6]). В погребенных на чудских кладбищах видят основателей деревень (например «Изосима и Саватея», что, вероятно, надо объяснять соотносительностью образа первоначальников со святыми, память которым приходилась на местный деревенский праздник) и даже Адама и Еву («Самые первые люди, Адам и Ева, сами себя захоронили» [Там же: 6–7]).

Во многих деревнях *чудских родителей* поминают ежегодно. Для этого в Троицкую родительскую субботу (или семик) ходят на старые кладбища, носят туда поминальную еду (например, блины), чтобы угостить «старый» народ [Там же: 1]. При этом произносятся особые формулы: «Помяни, Господи, чудского дедушку, чудскую бабушку» [Смирнов 1891: 125] «Помяни, Господи, дедушку чучка, бабушку чучиху! Помяни, Господи, чучких родителей, чучкого дедушку и бабушку!» [Сорокин 1895: 39]. Интересно, что эти поминки зачастую понимаются в терминах обетных практик: «Помянем затем, чтобы скот не терялся, чтобы скоту легче было, — чтобы скотинка стояла (водилась)»; «Обещаемся, и идет в действие, помогает» [Там же: 40]. При этом, согласно местным рассказам, любая попытка «оскорбить» похороненных на чудском кладбище (или хотя бы не помянуть их в положенный срок) имеет печальные последствия и

понимается как своего рода святотатство [Сорокин 1895: 40–41; Грибова 1964: 1–2].

Как видим, в представлениях и ритуальных практиках уральских крестьян реализуются все тенденции, которые намечены в восприятии сельского населения Северо-Запада древних погребений и народа, там похороненного. Образ *забудущих родителей* характеризуется следующими чертами:

- они жили в древние времена на той земле, на которой живут современные люди, и затем исчезли, часто в результате каких-то катаклизмов (например, иноземного нашествия, прихода нового населения и т.п.); древние кладбища (захоронения *забудущих*) часто являются сельскими святынями;
- *забудущие* требуют себе поминовения и в случае отсутствия такового наказывают ныне живущих людей; попытка же потревожить их прах всегда приводит к печальным последствиям;
- зачастую *забудущие родители* — это представители другого народа (чудь, паны, латыши и т.п.).

Это позволяет нам выделить «забудущих (чудских) родителей» в особый класс мертвых, отличающийся от «своих» родителей и при этом имеющий мало общего с идеальными заложенными покойниками Д.К. Зеленина, т.е. с теми нечистыми мертвецами, которые, согласно поверьям, в силу своей нечистоты, становятся причиной несчастий для живых. *Забудущие* близки скорее к святым: они наказывают тех, кто относится к ним без должного уважения, но часто помогают людям, почитающим их, в разных ситуациях.

То, что старые могильники становятся объектом почитания и функционируют в качестве сельских святынь, указывает на типологическую близость этого явления с народным культом «неизвестных» святых, когда случайно обнаруженное тело становится объектом народного пиетета. И в этом случае мы сталкиваемся со следующим явлением: практика почитания местного святого, про жизнь которого мало что известно, становится настолько интенсивной, что заставляет церковные и светские власти на него как-то реагировать, в том числе и решать проблему

канонизации «святых без житий». В отечественной истории есть несколько примеров подобной канонизации.

***

В конце XVI в. Русской церковью к лику святых был причислен праведный Иаков Боровицкий. Своеобразие истории его канонизации заключается в том, что в распоряжении комиссии, занимавшейся освидетельствованием чудотворных мощей, не было практически никакой информации о самой личности святого. Было известно только, что в 1440 г. неизвестное тело приплыло на льдине к боровицкому порогу, затем местным жителям во сне было открыто имя покойного, и от его мощей стали происходить многочисленные чудеса [Жития святых II: 405–406].

Вообще говоря, в истории церкви было много святых, о которых мало что известно, но в тех случаях все же существовало предание, сохранившее имя и кое-какие подробности о специфике святости святого (мученичество за веру и т.п.). Здесь же не было даже минимальных известий о личности святого, и, что особенно любопытно, они оказались не нужны, т.е. и позже не выявились какие-либо подробности его жизни. Единственной биографической деталью, без которой не удалось обойтись и которая определила титулатуру нового святого, было то, что он был мирянином. Почти полное отсутствие сведений о человеке, чьи мощи стали предметом почитания, не могло не вызвать скепсиса со стороны церковных властей [Голубинский 1998: 87–89]. Однако культ Иакова Праведного был весьма популярен, и канонизация все же состоялась [Там же: 113–114].

В последующие столетия не раз на Русском Севере возникали местные культы «святых без житий» (т.е. почитались случайно обнаруженные безымянные мощи). Так, найденный «случайным образом при копании ямы» в Архангельске в 1647 г. гроб «неизвестного человека, при котором начали твориться знамения и чудеса», тут же стал объектом почитания [Там же: 354]. Несмотря на чудесные исцеления и то, что вскоре во сне по-

слушнику одного из монастырей было открыто имя святого¹, холмогорский архиерей с настороженностью отнесся к новому культу и потребовал в 1683 г., чтобы ему прислали необходимые сведения. Вероятно, эти сведения не были собраны или же не убедили владыку. Так или иначе, хотя культ святого продолжал существовать, канонизация не состоялась, и Е.Е. Голубинский в начале XX в. отнес преподобного Евфимия Архангелогородского к числу «лиц, на самом деле не почитаемых» [Там же: 354–355, 581–582]².

Во многом схожая история произошла с установлением культа неизвестных мощей в 1610 г. в Пиренемском приходе Пинежского уезда, где было найдено тело, как потом выяснилось (опять же через сон), праведной отроковицы Параскевы [Краткое описание 1895: 243–244]. О жизни Параскевы ничего не было известно, но это не помешало появлению новой сельской святыни [Евфимия 1998b] (о почитании этой святыни в XVIII в. см.: [Лавров 1999]).

Конечно, не все вновь обретенные мощи будущих святых оставались без предания: если за его создание брался опытный агиограф, то он находил (хотя и не без труда) свидетелей подвигов нового святого, и какое-то житие составлялось, как это произошло в конце XVII столетия с житием святого Семеона Верхотурского [Журавель 2000]. Однако некоторые местночтимые подвижники так и остались без житий.

Как известно, первая половина XVIII в. ознаменовалась попытками государства и синодальной церкви пресечь почитание

---

¹ «Вниде старец ко мне — брада седа вполовину. И рече ми: “тяжко болиши, молися Богу и призови на помощь лежащего во гробе у Происхождения Честнаго Креста Господня”, И аз рех: “Господи, не ведаю имени его”, Он же рече: “имя мне Евфимие, а родом из Вознесения”. И невидим бысть» [Евфимия 1998a].

² Надо учитывать, что в основание своего исследования Е.Е. Голубинский положил довольно спорный принцип: если какой-то святой упомянут в синодике, значит он канонизирован. Данными Голубинского нужно пользоваться с оглядкой на этот факт. Критику этого подхода см. [Bushkovitch 1992: 75–76].

«неизвестных мощей». В этих условиях любая попытка установить культ вновь обретенных тел неизменно вызывала жесткую реакцию со стороны властей [Лавров 2000: 203–207]. Видимо, именно в это время закончился период прославления «святых без житий», как, впрочем, процесс новых канонизаций в целом (возврат к нему начался только в XX в.¹).

Если попытаться установить причины возникновения подобных культов, мы можем осторожно предположить, что даже в тех случаях, когда низшее духовенство и принимало активное участие в подобном творчестве, оно ориентировалось на народную традицию, которая или достаточно индифферентно относилась к житиям местных святых или предлагала свои, далекие от канонических, варианты «святости» (см. об установлении культа святых младенцев Иоанна и Иакова Менюшских [Levin 1993: 41–42]).

В рассматриваемом явлении обнаруживается своеобразное проявление народной религиозности, по-своему трактовавшей концепт святости. Особенности культа этих святых заключаются в том, что неизвестные, «чужие» покойники в определенных условиях вызывают народный пиетет и становятся адресатом поклонения, приобретая ореол святости. На мой взгляд, культурная специфика описанного явления во многом объясняется существованием в народных ритуальных практиках особых обрядов поминания «чужих» (*забудущих, чудских*) родителей, особого уважения к восставшим из небытия «незнакомцам».

Последнее наблюдение заставляет по-новому взглянуть на классификацию умерших, предложенную Д.К. Зелениным [Зеленин 1994]. По-видимому, крестьянская культура знает не только «заложных» покойников и «родителей», она стремится определить и третью группу — ныне не существующих насель-

---

¹ За весь синодальный период (1721–1917 гг.) в Русской православной церкви произошло не больше десяти канонизаций. Так, к лику святых были причислены Тихон Задонский, Дмитрий Ростовский, Иннокентий Иркутский, Серафим Саровский и некоторые другие подвижники. Однако эти случаи следует рассматривать как исключения из общего правила.

ников края. Именно с этой группой мертвых крестьяне посредством поминовения на старых «чужих» кладбищах, а также через обеты («заветы»), связанные с этими погребениями, строят отношения своеобразного «партнерства».